

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОВОРОТ
В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

Е. Н. Ищенко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 декабря 2021 г.

Аннотация: включение коммуникации как предмета исследования в контекст философских размышлений оказало существенное влияние на ее изучение в рамках научного дискурса. Радикальные трансформации способов и форм коммуникации науки и общества в условиях цифровой революции привели к пересмотру представлений как о научной коммуникации, так и социальных интеракциях. В современном обществе наука становится одной из важнейших коммуникативных площадок.

Ключевые слова: коммуникативный поворот, Другой, медиаторы коммуникации, научная коммуникация, коммуникация науки и общества.

Abstract: the inclusion of communication as a subject in the field of philosophical reflections had a significant impact on its study within the framework of scientific discourse. Radical transformation of methods and forms of communication between science and society in the context of digital revolution leads to revision of ideas both scientific communication and social interactions. In contemporary society, science is becoming one of the most important communication platforms.

Key words: communicative turn, Another, mediators of communication, scientific communication, communication between science and society.

2022. № 1
322

Истоки коммуникативного поворота в философии коренятся в феноменологии Э. Гуссерля, радикальным образом трансформировавшей представления о субъекте. Другое «Я» предстало в качестве основания нового понимания коммуникационного события (Mitsein), знаменуя собой без преувеличения революцию в философской мысли, значение которой трудно переоценить. Понятие интерсубъективности, рожденное в рамках феноменологического дискурса, оказалось чрезвычайно эвристичным как для философии, так и для целого ряда наук. Дело не только в том, что интерсубъективность предполагает опыт «различных субъектов, находящихся в ситуации взаимного общения, коммуникации»¹. Коммуникация как сложный экзистенциальный, социальный, культурный феномен оказалась в фокусе внимания, задавая специфическую оптику решения «старых» проблем и открытия новых предметных областей. Появление на философской сцене фигуры Другого повлекло за собой разработку образов, в которых он предстает заинтересованному взгляду исследователя.

---

¹ Огурцов А. П. Интерсубъективность как проблема философии науки // Философия науки. М., 2009. Вып. 14 : Онтология науки. С. 238.

В конечном итоге различные «маски» Другого: Другой как абсолютная инаковость, Другой как нечуждый чужой, Другой как возможность себя иного – позволили более объемно представить коммуникацию как универсальную человеческую потребность, реализация которой невозможна в режиме монолога.

Попытаемся обозначить проблемное поле изучения коммуникации в философском и научном дискурсах. Как возможно со-бытие Я и Другого? На каких основаниях может быть реализована коммуникация? Каковы ключевые факторы риска, с одной стороны, и стратегии успешности коммуникации – с другой? Существуют ли некоторые универсальные медиаторы коммуникации в различных областях – от науки до повседневных практик? Как возможно описание и исследование подобных медиаторов в том случае, если их существование является доказанным?

Обратимся к философским концепциям, оказавшим наиболее значительное влияние на частнонаучные и междисциплинарные исследования коммуникации. Один из классиков немецкой школы философии коммуникации – К.-О. Апель, определивший свою концепцию как диалог континентальной и аналитической традиций, полагал язык необходимым условием трансцендентально-прагматической рефлексии и средства для передачи ее результатов в процессе коммуникации.

В свою очередь предпосылкой всякого субъект-объектного отношения, согласно Апелю, является наличие коммуникативного сообщества, представленного в двух разных режимах существования. Реальное коммуникативное сообщество возникает в сложных переплетениях процессов социализации. В отличие от него идеальное коммуникативное сообщество представляет собой некий воображаемый конструкт. Проводя мысленный эксперимент, мы представляем себе сообщество, в котором аргументы, высказанные в открытой дискуссии, не только доходят до адресатов во всей смысловой полноте, но также непредвзято обсуждаются и далее подвергаются оценке с точки зрения интерсубъективных критериев. Таким образом, идеальное сообщество, включающее в себя нормативный этический компонент, наряду с языком является трансцендентальным условием возможности коммуникации. Соотнесенность реального сообщества участников коммуникации с идеальным позволяет представить коммуникацию как процесс продвижения к горизонту понимания. Реально существующее отношение напряженности между идеальным и реальным коммуникативным сообществом может и должно быть разрешено в процессе их исторического сближения.

Разработка фундаментальных для философии Апеля понятий коммуникативного сообщества и трансцендентальной языковой игры позволили поставить вопрос «об условиях возможности любого осмысленного вопрошания»². Опираясь на результаты «лингвистического поворота» в философии XX в., Апель рассмотрел коммуникацию сквозь призму «транс-

² *Apel K.-O. Transformation der Philosophie. 1.Aufl. Frankfurt a/M., 1988. Bd. 2. S. 96.*

цендентальной значимости языка и, тем самым, коммуникативного языкового сообщества»³.

Идеи Апеля в современной ситуации обретают актуальность в связи с возникновением феномена новой этики. Введение различного рода запретов на обсуждение тех или иных тем, табуирование употребления некоторых языковых конструкций, цензурирование контента медийных ресурсов наглядно иллюстрируют множественные трансформации норм и правил этики реального коммуникативного сообщества, происходящие буквально на наших глазах. Иначе говоря, попытки управления новомедийной коммуникацией исходят из разных установок, не имеющих под собой фундаментально проработанных стандартов и принципов. Стоит отметить, что ощущается острый дефицит осмысления принципов идеального коммуникативного сообщества, которое в качестве нормативного конструкта должно задавать цели и смыслы коммуникативной деятельности *per se*.

Кроме того, коммуникативный поворот повлек за собой изменение фокуса исследований в области философии науки, поскольку сама постановка вопроса о трансцендентальных условиях возможности научного познания связана, прежде всего, с интересубъективностью осмысления и оценки результатов научной деятельности. Вызов, который представляла собой теория научных революций Т. Куна, состоял, прежде всего, в несоизмеримости парадигм и как следствие – в невозможности стандартов, позволяющих осуществлять рациональный выбор между ними. Иначе говоря, сама возможность осмысленной коммуникации между сторонниками различных парадигм предельно проблематизировалась. Отталкиваясь от идей немецкой философии, американский исследователь Р. Бернштейн предложил новое понимание «диалогической модели рациональности», в которой наличествует «выбор, рациональное оценивание, интерпретация и применение универсальных критериев»⁴. Такой подход позволил пройти между Сциллой релятивизма и Харибдой объективизма, предлагая в качестве универсального медиатора научной коммуникации рациональность, формирующуюся в процессах социальных практик.

Наследуя размышления К.-О. Апеля, Ю. Хабермас предпринял попытку синтеза эпистемологии и социальной философии. Как отмечал Р. Родерик, проект Ю. Хабермаса был направлен против «релятивизма постмодернистских теорий, «абсолютизма» защитников философской традиции, а также различных форм возрождаемого позитивизма»⁵. Теория коммуникативных актов Ю. Хабермаса, которую автор характеризовал как «реконструктивную» (в отличие от априорных и эмпирических

---

³ *Apel K.-O.* Op. cit. S. 20.

⁴ *Bernstein R. J.* Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis. Oxford, 1983. P. 172.

⁵ *Roderick R.* Habermas and the Foundation of Critical Theory. New York, 1986. P. 140.

теорий) нацелена на поиск универсальных условий, предполагаемых во всех коммуникативных актах. С его точки зрения, подобный тип теорий, наличествующий в сфере гуманитарного и социального знания, представляет собой особый способ оперирования со знанием и специфические методологические установки. Формулируя основные задачи теории коммуникативных актов, Ю. Хабермас отмечал: «Не только познание и использование объективной природы есть явление, подлежащее объяснению, но и интересубъективность возможного понимания... Тем самым фокус исследования смещается от когнитивно-инструментальной к коммуникативной рациональности. Для него парадигматично не отношение обособленного субъекта к чему-то в объективном мире, что можно представить и чем можно манипулировать, а интересубъективная связь, которую устанавливают способные к общению и действию субъекты...»⁶.

Хабермас считает, что мы не можем полностью выйти за наш горизонт понимания, если не рассматривать структуру и основания процессов коммуникации. Мы не способны занять позицию независимого наблюдателя, избавившегося от всех присущих ему пред-рассудков и предустановок. Это утверждение становится совершенно очевидным, если речь идет о понимании других «форм жизни», радикально иных стандартов рациональности. Принятие «действенной позиции» того, кто принимает участие в процессе общего понимания, является залогом успешной коммуникации.

Стоит специально отметить, что идеи Хабермаса довольно часто подвергались критике, на которую автор неизменно реагировал, воплощая на практике предложенные им самим принципы философского диалога. Не случайно Хабермас одним из первых обратил внимание на необходимость новых форм коммуникации науки и общества. «Чем дальше специализируются исследования, тем большее расстояние должна преодолеть важнейшая информация для того, чтобы влиться в работу экспертов из других научных дисциплин <...> Внешняя для науки ответственность оказывается при глубоком разделении научного труда самым коротким путем внутреннего общения отчужденных друг от друга научных специалистов»⁷. Действительно, превращение знания в ключевой фактор экономического развития, институциональные трансформации, распространение цифровых технологий приводят к подрыву традиционного характера взаимодействия внутри самого научного сообщества. Как нам представляется, использование новых коммуникативных площадок оказывается критически важным как для науки, так и для общества в целом. Привлечение «внешней общественности» (в терминах Хабермаса) позволяет ученым не только протестировать аргументы в пользу той или иной исследовательской позиции в «зонах обмена» знаниями внутри научного сообщества. Не менее важным оказывается апробация новых

⁶ *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt, 1981. Bd. 2. S. 524.

⁷ *Хабермас Ю.* Техника и наука как идеология. М., 2007. С. 161–162.

способов и форм коммуникации ученых и представителей разных социальных групп.

Сегодня, пожалуй, не стоит специально останавливаться на доказательствах значимости подобного рода коммуникативных практик. События, связанные с пандемией Covid-19, драматически выявили нерешенные проблемы в «зонах обмена» знаниями как внутри научного сообщества, так и между наукой и обществом в целом. Стратегии просветительства, формировавшиеся начиная с эпохи Нового времени, в современной ситуации оказываются нерелевантными. Феномен «знания по запросу» радикально изменил отношение к различным формам производства, трансляции и интерпретации информации. Размывание границ между знанием и информацией привело к возникновению феномена «пост-истинь» (post-truth), отсылающему к скептицизму, который М. Вильямс остроумно назвал «скелетом в шкафу европейского рационализма»⁸. Устоявшийся режим коммуникативного взаимодействия науки и общества показал свою несостоятельность в связи с новыми глобальными вызовами.

Еще совсем недавно многие авторы возлагали надежды на социальные сети как независимых медиаторов коммуникации, способных противостоять власти, с одной стороны, и традиционным СМИ – с другой⁹. Однако довольно скоро эти иллюзии рассеялись¹⁰. Манипулятивный потенциал социальных сетей, специфика коммуникации на новых медиаплощадках, подпитывающая склонность к формированию «информационных пузырей» и исключаящая возможность конструктивного диалога, становятся существенными факторами риска, подрывающими основы социального и межличностного взаимодействия. В связи с этим поиск универсальных медиаторов коммуникации является одной из наиболее актуальных проблем, разрешение которой представляет не только академический интерес. Наиболее конструктивным представляется нам подход, предлагаемый в рамках современной социальной философии науки. Как справедливо отмечает И. Т. Касавин, «сегодня уже недостаточно понять науку как специфический способ коммуникации, связанный с исследовательской деятельностью. Напротив, на первый план в науке выходят черты, объединяющие ее с другими формами социальной интер-

---

⁸ Williams M. Problems of Knowledge: a Critical Introduction to Epistemology. Oxford, 2001. P. 5.

⁹ См., например: Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transform Markets and Freedom. New Haven, 2006.

¹⁰ В последние годы количество работ, наполненных алармистскими настроениями по поводу «власти сетей», нарастает (см., например: Boroon L., Abedin B. The Dark Side of Using Online Social Networks: A Review of Individuals' Negative Experiences // Journal of Global Information Management. Vol. 29, iss. 6. 2021. P. 1–21 ; Mäntymäki M., Islam A. N. The Janus Face of Facebook: Positive and Negative Sides of Social Networking Site Use. Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 61. P. 14–26 ; Taplin J. More Fast and Break Things. How Facebook, Google and Amazon Cornered Culture and Undermined Democracy. N.Y., 2017.

акции. И даже более того: наука становится центром всех коммуникаций...»¹¹.

Изменение роли науки в системе социальных коммуникативных взаимодействий является одним из важнейших факторов развития современного общества в его стремлении дать адекватные ответы на вызовы истории. Разработка и внедрение новых моделей просветительства, способов и форм коммуникации науки и общества оказывается продолжением коммуникативного поворота в философии, обращенного к актуальным социокультурным сюжетам.

Библиографический список

Касавин И. Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 8–17.

Огурцов А. П. Интерсубъективность как проблема философии науки // Философия науки. М. : ИФ РАН, 2009. Вып. 14 : Онтология науки. С. 235–246.

Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М. : Праксис, 2007. 208 с.

Apel K.-O. Transformation der Philosophie. 1.Aufl. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1988. Bd. 2. 447 p.

Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transform Markets and Freedom. New Haven : Yale University Press, 2006. 528 p.

Bernstein R. J. Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis. Oxford : B. Blackwell, 1983. 320 p.

Boroon L., Abedin B. The Dark Side of Using Online Social Networks: A Review of Individuals' Negative Experiences // Journal of Global Information Management. Vol. 29, iss. 6. 2021. P. 1–21.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Frankfurt : Suhrkamp Verlag, 1981. 651 p.

Mäntymäki M., Islam A. N. The Janus Face of Facebook: Positive and Negative Sides of Social Networking Site Use. Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 61. P. 14–26.

Roderick R. Habermas and the Foundation of Critical Theory. New York : St. Martin's Press, 1986. 194 p.

Taplin J. More Fast and Break Things. How Facebook, Google and Amazon Cornered Culture and Undermined Democracy. N.Y. : Little, Brown and Company, 2017. 320 p.

Williams M. Problems of Knowledge: a Critical Introduction to Epistemology. Oxford : Oxford University Press, 2001. 288 p.

References

Kasavin I. T. Trading Zones as a Subject Matter of Social Philosophy of Science // Epistemology & Philosophy of Science. 2017. Vol. 51, № 1. P. 8–17.

Ogurtsov A. P. Intersubjectivity as a Problem of Philosophy of Science // Philosophy of Science. Vol. 14: Ontology of Science. М. : Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, 2009. P. 235–246.

---

¹¹ *Касавин И. Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 9.

Habermas J. Technics and Science as Ideology. М. : Praxis, 2007. 208 p.

Apel K.-O. Transformation der Philosophie. 1.Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1988. Bd. 2. 447 p.

Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transform Markets and Freedom. New Haven : Yale University Press, 2006. 528 p.

Bernstein R. J. Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis. Oxford : B. Blackwell, 1983. 320 p.

Boroon L., Abedin B. The Dark Side of Using Online Social Networks: A Review of Individuals' Negative Experiences // Journal of Global Information Management. Vol. 29, iss. 6. 2021. P. 1–21.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt : Suhrkamp Verlag, 1981. Bd. 2. 651 p.

Mäntymäki M., Islam A. N. The Janus Face of Facebook: Positive and Negative Sides of Social Networking Site Use. Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 61. P. 14–26.

Roderick R. Habermas and the Foundation of Critical Theory. New York : St. Martin's Press, 1986. 194 p.

Taplin J. More Fast and Break Things. How Facebook, Google and Amazon Cornered Culture and Undermined Democracy. N.Y. : Little, Brown and Company, 2017. 320 p.

Williams M. Problems of Knowledge: a Critical Introduction to Epistemology. Oxford : Oxford University Press, 2001. 288 p.

Для цитирования:

Ищенко Е. Н. Коммуникативный поворот в философии и науке: концептуальные основания и современный контекст // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 322–328. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9046>

Recommended citation:

Ishchenko E. N. Communicative Turn in Philosophy and Science: Conceptual Foundation and Contemporary Context // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2022. № 1 (48). P. 322–328. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9046>

Воронежский государственный университет

328

Ищенко Е. Н., доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания

E-mail: ischenko@phipsy.vsu.ru

Voronezh State University

Ishchenko E. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Ontology and Epistemology Department

E-mail: ischenko@phipsy.vsu.ru